

4. Декреты Советской власти. – М. : Политиздат, 1983. – Т. 11. – Окт. – ноябрь 1920 г. – 467 с.
5. Домнин, И. В. Русское военное зарубежье: дела, люди и мысли (20–30- годы) / И. В. Домнин // Вопросы истории. – 1995. – № 7. – С. 116–117.
6. Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940 / М. Йованович. – М. : Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2005. – 488 с.
7. Кёсева, Ц. Болгария и русская эмиграция, 1920–1950-е годы / Ц. Кёсева. – М. : Русский путь, 2008. – 310 с.
8. Кононова, М. М. Русские и дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.) / М. М. Кононова. – М. : ИВИ РАН, 2004. – 240 с.
9. Кривицкий, В. Г. Я был агентом Сталина / В. Г. Кривицкий // Вопросы истории. – 1992. – № 1. – С. 81–100.
10. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : ИРИ РАН, 2001. – 330 с.
11. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы : учеб. пособие / Под ред. А. Ф. Киселева. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДАС, 1999. – 776 с.
12. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов / Е. И. Пивовар [и др]. – М. : Ист.-арх. ин-т, 1994. – 117 с.
13. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы : в 2-х т. – М. : Триада-Х, 2001. – Т. 2 : Несбывшиеся надежды ... 1923 г. – 483 с.
14. Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы : в 2-х т. – М. : Гея, 1998. – Т. 1: Так начиналось изгнание, 1920–1922 гг. – Кн. 2. На чужбине. – 751.
15. Русский исход / Отв. ред Е. М. Миронова. – СПб. : Алетей, 2004. – 320 с.
16. Шкаренков, Л. К. Агония белой эмиграции. 3-е изд. / Л. К. Шкаренков. – М. : Мысль, 1987. – 236 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИДЕРА РУСИНСКОЙ ДИАСПОРЫ В США МИХАИЛА ЮГАСА В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ВЕНГЕРСКИХ И ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СТРУКТУР (1929–1930 гг.)

О. Г. Казак (Минск)

Межвоенный период характеризовался борьбой за настроения многочисленной (насчитывавшей, по некоторым данным, около 250 тыс. человек) русинской диаспоры в США, которую с переменным успехом вели дипломаты Чехословакии и Венгрии. Внимание внешнеполитических ведомств двух стран к данной категории жителей США объяснялось тем, что американские русины сыграли немаловажную роль в легитимации вхождения их исторической родины – Подкарпатской Руси – в состав Чехословакии. Существовали обоснованные предположения, что в случае постановки вопроса о смене государственной принадлежности края слово лидеров русинской диаспоры в США может оказаться весомым.

Влиятельнейшую организацию американских русинов – «Соединение греко-католических русских братств» (далее – «Соединение») –

в 1901–1906 гг. и в 1920–1936 гг. возглавлял М. Югас, который поддерживал тесные связи с венгерским консульством в Кливленде. Консул Л. Алекси являлся главным специалистом по русинскому вопросу в дипломатическом корпусе Венгрии. На основе информации, полученной от консула, сотрудники посольства в Вашингтоне готовили аналитические справки для Министерства иностранных дел Венгрии. В июле 1929 г. М. Югас был переизбран на должность председателя «Соединения». Однако один из активистов диаспоры Д. Делиманн, по данным отчета Л. Алекси от 16 ноября 1929 г., на деньги чехословацкого посольства инициировал судебный процесс о признании результатов выборов недействительными [5]. 17 декабря 1929 г. суд встал на сторону противника М. Югаса и принял решение о непризнании легитимности последнего. Повторные выборы было решено не проводить ввиду больших финансовых затрат. Делегатов июльского съезда просили отправить в адрес избирательной комиссии «Соединения» письма с указанием кандидата, за которого они ранее отдали голос на выборах. Несмотря на интенсивную чехословацкую пропаганду, М. Югас вновь одержал победу, что с радостью отметил в своем отчете от 17 февраля 1930 г. Л. Алекси. Далее дипломат сообщал, что на протяжении более чем десяти лет проводить открытую провенгерскую агитацию среди американских русинов его ведомство не могло: «На протяжении десяти лет мы открыто не говорили о возвращении к Венгрии, потому что десятилетняя пропаганда чехов и русофилов привела американское рутенство к тому, что оно не могло даже упомянуть о своей симпатии к венграм. Рутенские лидеры награждались позорным штампом, если кто-то узнавал, что они хорошо относятся к венграм. Их называли врагами славянства, предателями великославянской идеи. Следует признать, что в течение десяти лет мы потеряли авторитет в глазах рутенов». Л. Алекси полагал, что в условиях нарастания в среде русинской диаспоры в США разочарования политикой Праги в Подкарпатской Руси для венгерской дипломатии настал удобный момент для наступления: «Против пропаганды А. Геровского (известный русофильский и православный деятель, в 1930 г. эмигрировал в США) следует начать открытую борьбу за возвращение к Венгрии и католической вере» [5].

К 1930 г. в среде лидеров русинской эмиграции отчетливо выделяются несколько групп: «группа власти» (М. Югас, греко-католический епископ В. Такач, юрист «Соединения» и экс-губернатор Подкарпатской Руси Г. Жаткович, редактор Б. Цмор, греко-католические священники Б. Качинский и П. Долинай, секретарь епископа Т. Жаткович), «оппозиционная группа» (греко-католические священники и публицисты Б. Балог, М. Гануля, Д. Тегзе, агент по продаже недвижимости Д. Делиманн), «великорусское направление» (А. Геровский, редакторы русофильских изданий Д. Вислоцкий и М. Ганчин) [5]. Показательно, что сам М. Югас придерживался трактовки русинов как части общерусского народа. По его мнению, русофильские идеи пользовались популярностью у русинов в Чехослова-

кии и США, и в тогдашних геополитических реалиях подобные настроения не представляли угрозы [5]. Разногласия между «группой власти» и «оппозиционной группой» не имели серьезной идейной основы. Как сообщал Л. Алекси в отчете от 20 марта 1930 г., представители обеих групп обвиняли друг друга в «работе на чехословацкое правительство», тем самым пытаясь заручиться поддержкой венгров [5].

В 1929 г. М. Югас опубликовал на английском языке книгу «Принципы Вильсона в чехословацкой практике», которая была направлена во все европейские посольства в США. Прага традиционно обвинялась в нежелании выполнить свои международные обязательства (зафиксированные, в частности, в Сен-Жерменском договоре) и предоставить Подкарпатской Руси автономию, в разжигании языковой и религиозной розни [5]. Обличение автором массивной поддержки православной церкви со стороны чехословацких властей являлось явным преувеличением. Тем не менее, ослабление позиций греко-католической церкви, которая рассматривалась (пусть и несколько тенденциозно) традиционной опорой провенгерских сил в Подкарпатской Руси, была выгодна Праге. Этот факт отмечают польские исследователи М. Ярнецкий и П. Колаковский: «Секуляризованная элита Града и подчиненная ей администрация, официально идеологически нейтральные, с плохо скрываемым удовлетворением наблюдали за проблемами греко-католической церкви, подозревая ее в нелояльности и провенгерской позиции». В то же время авторы обращают внимание, что «среди униатов хватало русофилов, как и украинофилов, не говоря уже о представителях русинской и мадьяронской ориентаций» [4, s. 80–81].

В марте 1930 г. М. Югас совместно с Б. Цмором готовит меморандум о положении Подкарпатской Руси в составе Чехословакии. Данный документ планировалось опубликовать на страницах старейшего издания русинов Северной Америки («Американский русский вестник»), а также направить в Лигу Наций. Показательно, что на этапе подготовки меморандума М. Югас проводил консультации с венгерским консулом в Кливленде. В преамбуле документа сообщалось, что международное сообщество должно было принудить Прагу выполнять свои обязательства в отношении Подкарпатской Руси. Первая часть меморандума представляла собой краткий экскурс в историю региона. По мнению авторов, в целом благоприятный период вхождения края в состав Венгрии был прерван «чехословацкой интригой»: «Карпаторусский народ на протяжении тысячи лет принадлежал Венгрии, сформировал с ней географическую и экономическую целостность. После Первой мировой войны в результате организованной в Америке пропаганды и фальсификации фактов о якобы имевшем место выражении воли народа Карпатороссия была присоединена к Чехословакии, ей была обещана широчайшая автономия» [5]. Действительно, в 1917–1918 гг. чехословацкий вариант государственной принадлежности Подкарпатской Руси был далеко не очевидным. Присоединение региона к Чехословакии

стало возможным благодаря удачным действиям Т. Масарика, который заручился поддержкой американского президента В. Вильсона и лидеров русинской диаспоры в США. Плебисцитарные мероприятия, проведенные среди американских русинов, не могут считаться прозрачными [1].

Во второй части меморандума содержался стандартный набор обвинений в адрес Праги по поводу ее политики в Подкарпатской Руси. Явления, которые отмечали авторы документа, действительно имели место [2], однако их масштаб был явно преувеличен. Властям Чехословакии инкриминировалась чехизация школ, «колонизация», проявлявшаяся в том, что все важные должности в местной администрации, в учреждениях и на предприятиях занимали чехи. Авторы полагали, что для удержания народа в покорности Прага использовала старый метод «разделяй и властвуй», то есть искусственно разжигали в регионе религиозную (между православными и греко-католиками) и языковую (между русофилами и украинофилами) вражду. Глубинные предпосылки возникновения подобной ситуации М. Югас и Б. Цмор видели в следующем: «Несправедливость и репрессивность чешской политики объясняется тем, что карпаторусский народ никогда не жил рядом с чехами. Чехи абсолютно не понимают народный дух [карпатороссов], постоянно упрекают карпаторусский народ, рассматривают его как носителя опасной болезни, культура которого находится на самом низком цивилизационном уровне и может развиваться только под властью чехов». Утверждалось также, что Прага мало заботилась о материальном благополучии жителей Подкарпатской Руси и рассматривала край как рынок дешевого сырья и сбыта продукции, произведенной в более развитых регионах страны. Авторы меморандума резюмировали: «Многие открыто или тайно хотят вернуть старые порядки Венгрии. Тогда не было международных гарантий самоуправления, но карпатороссы с венграми жили в полном равенстве, имели свободу в церковной жизни, их языку не угрожало уничтожение. [...] Карпаторусская национальность человека не исключала возможности занять государственный пост ...» [5].

К рассмотрению меморандума в Лиге Наций дело так и не дошло. В конце мая стало известно, что из-за формальной ошибки в составлении документа его отказались обсуждать в этой организации. В июне 1930 г. представитель Венгрии в Лиге Наций беседовал с председателем секции меньшинств П. де Азкарте. Тот выразил заинтересованность содержанием меморандума и обещал посодействовать тому, чтобы этот документ все же был рассмотрен, однако в дальнейшем свое обещание не выполнил [5]. В 1930 г. Лига Наций рассмотрела две петиции, посвященные русинскому вопросу. Автором первой из них был «русинский политический эмигрант» из Будапешта А. Боукялый, авторами второй – лидер партии «Автономный земледельческий союз» русофил И. Куртык из Подкарпатской Руси и уже упомянутый в статье А. Геровский. Первые двое из указанных лиц действовали на средства и в интересах Венгрии (А. Геровский уже в 1930 г. пы-

тался предложить сотрудничество венгерским дипломатическим структурам в США, но в то время не нашел поддержки [5]). В петициях содержались традиционные обвинения Праги в чехизации школы, несправедливой социальной политике, насаждении чуждой для русинов украинской и русской (этот пункт содержался в петиции А. Боукялого) моделей национальной идентичности. В Лиге Наций эти петиции были встречены прохладно и без энтузиазма, так как в них не содержалось какой-либо принципиально новой информации [3, s. 279–281].

Таким образом, в 1929–1930 гг. лидеры русинской диаспоры США, ориентированные на Будапешт, переходят от критики политики Праги в Подкарпатской Руси к осторожной агитации за возвращение региона в состав Венгрии. В тот момент, однако, большого международного резонанса подобная деятельность не получила. Кроме того, популярность главного мадьярона М. Югаса падала. Б. Цмор в беседе с Л. Алекси 1 августа 1930 г. сообщал, что репутация М. Югаса сильно пострадала от «обличительных» публикаций русофилов М. Ганчина и А. Геровского [5]. Тем не менее, венгерская дипломатия в США получила ценный опыт проведения информационных кампаний и подготовки выгодных для себя «лидеров общественного мнения» среди местной русинской диаспоры. Данный опыт будет совершенствоваться и с разной степенью успеха использоваться в дальнейшем.

1. Казак, О. Г. Участие русинской диаспоры США в определении государственной принадлежности Подкарпатской Руси (1918 г.) / О. Г. Казак // Аспект. – 2018. – № 3. – С. 19–24.
2. Шевченко, К. В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. / К. В. Шевченко. – М. : Regnum, 2011. – 414 с.
3. Ferencuhová, V. Podkarpatská Rus v Spoločnosti Národov (1929–1934) / V. Ferencuhová // Kapitoly z dejín Podkarpatskej Rusi 1919–1945 / ed.: Ľ. Harbul'ova. – Prešov, 2015. – S. 273–287.
4. Jarnecki, M. «Ukraiński Piemont». Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939 / M. Jarnecki, P. Kołakowski. – Warszawa : Oficyna Wydawnicza RYTM, 2017. – 383 s.
5. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. – F. K 64. 1930. 38. cs. 10. t.

Э. БЕНЕШ В БОРЬБЕ ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ «ПРИНЦИПОВ ЛОКАРНО» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Д. В. Родин (Москва)

Изучение международных отношений в межвоенный период не обходится без упоминания Локарнской конференции – «поворотного момента в европейской послевоенной политике» [10, p. 148]. В намного меньшей степени в научной литературе освещены попытки распространить «принципы Локарно» на иные регионы Европы, помимо Западной, в частности на Дунайский регион. Значительную роль в подобных проектах играли не